

*Для Эли, Зои и Сейдж
неизменно с любовью*

ЧАСТЬ I

Все видят тебя таким, каким ты кажешься, и лишь немногие знают, каков ты есть.

Никколо Макиавелли

Глава 1 ДЕЙРДРЕ

Я не знала, что надеть на похороны. В любой другой день я позвонила бы сестре и спросила совета у нее, ведь Каро всегда знала, как правильно. Но она умерла, и я никогда уже не услышу ее мягкий, немного хрипловатый голос.

Достав из алькова, который служил мне шкафом, всю имевшуюся у меня одежду — только черную, никаких других цветов я не носила, — я выбрала из нее тунику, достаточно длинную, чтобы сойти за платье, и добавила к ней колготки и кардиган, чтобы спрятать татуировки. Сунула ноги в дорожные и страшно неудобные лодочки на шпильках — откуда они у меня взялись, ума не приложу, не иначе как сестра подарила. Карабкаясь в них по лестнице, которая вела из моей полуподвальной квартиры на улицу, я чувствовала себя просто неуклюжей коровой. Но когда спустилась в метро, доехала от Квинса до Манхэттена и явилась в церковь, то оказалась самозванкой.

— Ваше имя и приглашительный билет? — обратился ко мне охранник в форме.

— Дейрдре Кроули. Я сестра Кэролайн Трэкстон.

ХИЛАРИ ДЭВИДСОН

Охранник что-то сказал, но я не расслышала, потому что пялилась на фасад церкви, борясь с внезапно нахлынувшим дежавю. Католических церквей с замысловатыми каменными рельефами на фасаде, изображающими Воскресение Христа или Судный день, в Америке хоть пруд пруди. Но у этой весь фасад занимала сцена распятия, причем мастер подошел к делу с такой глубокой серьезностью, что у меня от одного взгляда дух захватило.

— Сент-Винсент Феррер, — прошептала я. Именно здесь моя сестра выходила замуж четыре года назад.

— Какой номер был написан на оборотной стороне вашего приглашительного билета? — продолжал допытываться охранник, явно еще не решив, стоит ли соблюдать со мной вежливость.

Я моргнула, пытаясь вспомнить. Приглашение приволок в понедельник в шесть вечера какой-то подручный Трэкстонов. *Поминовение Кэролайн Анны Трэкстон*, — рельефные черные буквы на плотной шелковистой бумаге цвета слоновой кости. *Приглашаем Вас на поминальную службу и ланч*. Помню, как неприятно поразила меня рамка из стилизованной лозы вокруг ее имени — изысканно-острые шипы были нацелены на буквы так, словно хотели их задушить.

— Первая семерка. — Вообще-то на карточке было семь цифр, но остальные просто не желали приходить в голову. Само приглашение валялось сейчас где-то на книжном стеллаже в моей квартире — я сама зашвырнула его туда, как только получила, и до сих пор даже не вспоминала о его существовании.

— Назовите код целиком, — настаивал охранник. — Без него я не могу пропустить вас внутрь.

ЗНАЧИТ, Я УМЕРЛА

И тут меня переключило. Я почти не спала ночью; точнее, я не спала уже несколько ночей с тех пор, как узнала о смерти Каро. До церкви добралась на автопилоте — люди, наверное, шарахались от меня, видя мою походку зомби — а тут этот гад со своими претензиями... Не успела я глазом моргнуть, как мое горе превратилось в ярость.

— У меня сестра умерла, а ты не пускаешь меня на похороны! — заорала я.

Охранник даже втянул голову в плечи, точно опасаясь удара, но я только оттолкнула его в сторону и ворвалась в церковь.

На темных деревянных скамьях крупными оспинами белели розы. Смеялись и сплетничали гости, одетые от кутюр. В конце каждого прохода громоздилась башня из букетов, обвитых белыми лентами и тюлем. В общем, внутри церковь выглядела точно так же, как в день бракосочетания Каро, и я, как и тогда, сразу почувствовала себя не в своей тарелке.

Я, наверное, заплакала бы, если б не охранник, который уже дышал мне в спину.

— Она без приглашения, — заявлял он всякому, кто пожелал бы его слушать. — Ее не должно здесь быть.

Я хотела уйти, но он крепко вцепился мне в запястье. Пришлось сделать глубокий вдох. «Каро, прости, что пришлось начистить этому молодчику рыло прямо на твоих похоронах».

— Она агрессивная. Отпихнула меня и ворвалась, — продолжал ныть охранник, пока я разворачивалась к нему, сжимая кулак.

— Вот как? — раздался вкрадчивый голос у меня за спиной. — Ну, значит, ты уволен.

ХИЛАРИ ДЭВИДСОН

Я разжала кулак так поспешно, словно избавлялась от улики. Передо мной стояла Джульетта Трэкстон: плечистая, ширококостная, в черном костюме в талию, на лацкане — две бриллиантовые булавки, на высокой прическе из платиновых волос — черная шляпка с перьями и вуалеткой. Интересно, уж не берет ли она свои наряды напрокат в музее какой-нибудь киностудии? Вылитая киношная вдова: подкупила банду отмороzków, чтобы те отправили ее муженька на тот свет, а сама изображает безутешность...

Пухлые напомаженные губы Джульетты снова ожили.

— Разве похоже, что я шучу? — спросила она охранника. — Нисколько. Пошел вон.

Его лицо сделалось пунцовым.

— Но она...

— Отпихнула тебя в сторону. Я слышала. — И она махнула на него рукой так, словно отгоняла комара. — Трэкстоны не берут на работу неудачников. Вон.

Он пошел к выходу, злобно бормоча что-то себе под нос.

— Спасибо, — осторожно поблагодарила я. Каро часто говорила, что увольнять людей — главная цель в жизни ее невестки.

— А ты умеешь оживить похороны. — И она, окинув меня взглядом с головы до ног, вздернула бровь так, словно я опять обманула чьи-то ожидания. Джульетта была остра на язык и никого не щадила, и я уже приготовилась дать отпор, но она лишь вздохнула и сказала: — Наверное, хочешь видеть Тедди... Он там, впереди, с няней.

— Как он?

— Ему тяжело. Бедный малыш... — Джульетта повернулась, чтобы уйти, но, задержавшись, добавила: — И не ходи тут с таким видом, как будто ищешь неприятно-

ЗНАЧИТ, Я УМЕРЛА

стей. Они тебя сами найдут. — Отпустив это таинственное замечание, она удалилась.

О ком это она: об охраннике, которого сама только что уволила, или о моем отце? Я внимательно осмотрела толпу, но нигде его не увидела. Прячется, наверное, где-нибудь в тени, как все чудовища... Зато я торчу посреди центрального неффа, у всех на виду. На меня оглядывались, но никто не спешил подойти и заговорить со мной — невелика персона. Гроб сестры стоял в глубине церкви, прямо перед алтарем, но я была еще не готова к прощанию и решила сначала отыскать племянника, Тедди. Он был в черном траурном костюмчике, наверное, самом крошечном в мире, но строгом, с крохотной белой бутоньеркой, как полагается. Увидев меня, Тедди залез ножками на скамью, чтобы я могла его обнять.

— Тетя Ди, — выдохнул он мне в шею.

Что я могла сказать ребенку, которому едва исполнилось три с половиной года и у которого вдруг умерла мать? Все, кто знал Кэролайн, еще не пришли в себя от шока. Если уж у меня, взрослой, случившееся не укладывается в голове, то что может понять такой малыш? Наверное, о смерти матери ему рассказал отец, но как, какими словами? Ума не приложу.

— Ты ведь крепкий парнишка, да? — «Крепкий» — вот самый большой комплимент, который был в ходу у нас в семействе. «Славный» — тоже хорошо, «смышленный» — замечательно, но «крепкий» — это был идеал, к которому стремились мы все.

— Ага, — гордо ответил малыш.

Глория Ривера, его няня, тоже встала мне навстречу. Невысокая, хрупкая, круглолицая, с волосами цвета воронова крыла, она казалась то тридцати-, а то и пяти-

ХИЛАРИ ДЭВИДСОН

десятилетней, как поглядеть. Сочувствие буквально выплескивалось из ее глаз, когда она сказала:

— Мне так жаль, Дейдре...

— Спасибо. — Никто в церкви так и не сказал мне этих слов.

Когда Тедди наконец отпустил меня, я побрела к гробу сестры так, словно меня тянули туда на невидимых нитях. Верхняя часть крышки была откинута, и я увидела совершенное в своей красоте и еще не тронутое смертью лицо сестры. Золотоволосая, с нежным румянцем, она больше походила на Спящую красавицу, чем на покойницу. На какое-то мгновение мне даже показалось, что сейчас она сядет, улыбнется, и окажется, что ее похороны были всего лишь постановкой, поводом, чтобы собрать вместе нашу разношерстную семейку.

— Я и не знала, что способна так скучать по кому-то, — прошептала я.

Ненадолго я даже перестала слышать болтовню приглашенных, как будто во всей громаде церкви не было никого, только гроб и я. Но чары рухнули, когда на полированную крышку гроба тяжело опустилась мужская рука, клацнув по ней золотым кольцом Кладда¹. По нему я его и узнала — это был отец. Именно этого я и боялась. Раньше, стоило нам с отцом оказаться в одном пространстве — на свадьбе Каро, на похоронах матери или крестинах Тедди, — сестра всегда брала на себя роль рефери, разводя нас по разным углам ринга.

Мгновение он и я смотрели друг на друга. Взгляд его голубых глаз был холоден и тверд. Воздух вокруг нас

¹ Кольцо Кладда — тип традиционного ирландского кольца, которое преподносится в знак дружбы, а также используется в качестве обручального кольца.

ЗНАЧИТ, Я УМЕРЛА

словно напитался отравой. Между нами ничего не изменилось. Он открыл рот, чтобы заговорить, но я не дала ему шанса: отвернулась и пошла прочь.

Минорные вздохи органных труб подчеркнули уродливость момента. Уходя, я споткнулась в проходе. Интересно, мне только казалось или на меня действительно смотрели? Помню, на свадьбе Каро я слышала, как кто-то сказал вслух: «Кто бы мог подумать, что Тео на ней женится!» Замечаниям о том, как повезло моей сестре, не было конца. Одна гостья с прической а-ля улей, сверкающая драгоценностями, как рождественская елка игрушками, так прямо и ляпнула ей: «Ты, наверное, чувствуешь себя сейчас Золушкой, которая выходит замуж за принца, правда?» И даже Каро, невозможно элегантная, как всегда, — даже она не нашлась, что ответить на такую наглость, только улыбалась, как контуженная. Теперь Золушка лежала в гробу, но общее настроение осталось прежним.

Я поняла, что мне надо глотнуть свежего воздуха, иначе я задохнусь. В горле стоял ком; мысли вертелись вокруг того, что сказала бы мать, если б видела, какими убийственными взглядами обменялись ее муж и младшая дочь над гробом старшей. Когда я росла, мать всегда казалась мне очень печальной — какие бы радости ни маячили на горизонте, над ней всегда словно висела туча. И, честно говоря, так оно и было.

Когда я вышла из церкви, охранники уставились на меня с любопытством, но того, кто пытался меня задержать, среди них уже не было. Я зацокала каблуками по ступенькам. День был солнечный — для апреля. Внизу, обойдя с наветренной стороны группу безутешных курильщиков, я остановилась. На тротуаре какой-то при-

ХИЛАРИ ДЭВИДСОН

дурок навел на меня объектив фотоаппарата. Я отвернулась и вытащила телефон. Необходимо было срочно отвлечься, пока меня не взорвало.

Тут-то я и увидела имейл. «Вам приватное сообщение от Кэролайн Кроули».

Со дня своей свадьбы сестра носила имя Кэролайн Трэкстон. Вот почему, когда я увидела на экране ее девичью фамилию, мне показалось, что это время расступилось и выдало своеобразный реликт, заблудившийся цифровой след человека, который перестал существовать еще четыре года назад.

Я нажала на сообщение, и экран вдруг пожелтел, словно пергамент. «В «Склепах Озириса» ваша информация в полной сохранности, — появилась надпись наверху экрана, и ниже: — Кэролайн Кроули хочет, чтобы вы прочли это письмо».

К этому прилагалось изображение Озириса, зеленоликого египетского бога, которого родной брат разрубил на куски, а родная сестра собрала эти куски и воскресила. В детстве я увлекалась мифологией и теперь еще не прочь почитать что-нибудь на эту тему время от времени. Каро часто дразнила меня по поводу моего анкха — татуировки с египетским крестом жизни у меня на плече. Может, она и тут решила пошутить? Я мотанула сообщение дальше.

Над окошком с письмом было написано: «Сообщение для вас от Кэролайн». У меня перехватило дыхание.

Дейрдре,

Я часто думаю о маме и о том, как не хочется верить, что и тебя постигнет судьба одного из родителей, пока это не случится.

ЗНАЧИТ, Я УМЕРЛА

Если ты читаешь это, значит, я умерла. Как бы ни выглядела моя смерть, она не случайна. Тео уже убил одну жену, и это сошло ему с рук. Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило.

Я люблю тебя, Додо. Всегда.

Каро

Глава 2 ДЕЙРДРЕ

Слова на экране закружились и слились вместе. Я зажмурилась, не зная, что думать: может, это розыгрыш? Но когда я открыла глаза, письмо Каро было на месте. Кружились не буквы, а моя голова.

— Вы ведь сестра Кэролайн, верно?

Со мной заговорила женщина в дорогом розовом костюме. Он придавал ей вид зрелой дамы, хотя вообще она, кажется, была моей ровесницей. При этом была худа, как велосипед, причесана, как девушка из прогноза погоды, и так густо покрашена, что когда солнце в очередной раз выглянуло из-за облака, ее лицо засверкало, словно зеркальный шар в дискотеке.

— Дейрдре, да? Смерть Кэролайн — такой удар для вашей семьи... — Розовые губы женщины двигались стремительно.

— Да.

— Я — Эбби Морел, из «Глоуб». Я знала вашу сестру.

Из-за тошнотворно-сладкого аромата гардении, исходившего от нее, у меня еще сильнее закружилась голова. Мне хотелось отойти от нее, но, услышав последние слова, я застыла на месте.

— Откуда?